

The book cover features a vibrant, stylized illustration. In the center, a young man with dark hair and a lip ring looks directly at the viewer. Behind him, a woman with long red hair and a young man with white hair are visible. The background is a mix of bright pink and blue, with several black birds in flight. The title '48 МИНУТ' is prominently displayed in the lower half, with a subtitle in a cursive font below it. The author's name is at the top right.

ВИКТОРИЯ
ПОБЕДИНСКАЯ

48 МИНУТ

*Сколько
и переи*

Виктория Побединская

48 МИНУТ

Осколки

Часть 1

ОСКОЛКИ

ВИОЛА

Яркий свет и нестерпимая головная боль. Станный монотонный гул. Где я? Пол мерно раскачивается, и я, пытаюсь подняться, упираюсь ладонями в ледяной металл. Белая кра-ска местами слезла, явив взору серые проплешины.

Почему я лежу на полу? Осторожно перевожу взгляд, осматриваясь. По два ряда кресел справа и слева. За широ-кими овальными окнами проносится незнакомая, укрытая снегом местность. Я в поезде? Мимо проталкиваются под-ростки с дорожными сумками и массивными рюкзаками на плечах. В руках у них гитары, ребята болтают и громко сме-ются. Я хватаюсь за голову, крепко зажмуривая глаза. Кто я? Почему не помню, как сюда попала? Сердце вырывается из груди. Паника накатывает лавиной, и я прерывисто вдыхаю, пытаюсь успокоиться.

— С вами все в порядке, мисс?

Вскидываю голову. Чуть наклонившись, пожилой мужчи-на в длинном бежевом плаще и такого же цвета шляпе встре-воженно протягивает руку.

— Все... в порядке... — повторяю я за незнакомцем, вздрагивая и испуганно осознавая, что не помню, как звучит собственный голос. Выходит тихий хрип, будто горло рас-царапано. Я откашливаюсь и пробую ответить снова: — Все в порядке, я просто... я не знаю...

— Вам плохо? Может, позвать кого-то на помощь? Вы едете одна?

Как много вопросов! Я сжимаю руками голову. Боль пульсирует, посылая электрические разряды сквозь каждую клетку тела, и я снова зажимаюсь. Почему я не помню даже собственного имени?

— Мисс... мисс? Может, нужен врач?

Я мотаю головой. Воздуха не хватает. Стены давят. Опираясь на руки, снова пытаюсь подняться, несмотря на слабость и покалывание в ногах.

— Виола! — кричит кто-то с другого конца вагона. — Виола, подожди!

Я инстинктивно поворачиваюсь на голос. Невысокая полноватая женщина с тугими кудрями подбегает ко мне, подхватывая под руку.

— Ты упала?

Она поднимает меня за локоть. И тут же, не дожидаясь ответа, начинает говорить:

— Это все давление. Я ведь предупреждала. Зачем ты убежала одна, деточка? Мы же собирались прогуляться вместе, но, только я отвернулась, тебя уже и след простыл.

Она продолжает без умолку тараторить, и по тому, как коверкает согласные, я отчетливо различаю северо-восточный диалект, очень редко встречающийся сегодня. На секунду задаюсь вопросом, почему я знаю все виды английских диалектов, но не знаю, кто я и где. Из болтовни своей спутницы умудряюсь уловить лишь одну полезную вещь: меня зовут Виола.

— От этой погоды у меня опять ужаснейшая мигрень, — жалуется женщина, крепко держа меня под руку, пока мы идем по вагонам. — Поможет лишь крепкий чай. Только не «Эрл Грей», потому что в тот раз...

Я не слушаю. Все еще дрожа, рассматриваю пассажиров, пытаюсь зацепиться хоть за какую-нибудь знакомую деталь, но ни один из проходящих мимо людей мне не известен. Блондины, брюнеты, высокие, низкие, полные и худые — вдруг кто-то из них знает меня?

— Ты уронила, — ласково произносит женщина, вручая мне черную сумку на тонком ремешке.

Забираю ее, надеясь, что внутри найдутся документы, кошелек или водительское удостоверение. Спутница продолжает цепляться за мою руку, словно мы знакомы давным-давно. Сначала мне кажется, что она моя родственница, но из ее слов я понимаю: мы всего лишь попутчики. Только вот кто же мы?

Оглядываю себя: на мне дорогая одежда. На запястье — золотые часы, и они совсем не выглядят подделкой. Кожаные ботинки, как и темно-синие джинсы, явно куплены не на распродаже в сетевом универмаге. Тут я понимаю, что не знаю не только как меня зовут, но и как я выгляжу. Нужно найти зеркало. Туалет! Там оно точно есть.

Я вытираю потные руки о джинсы, оглядываясь и все еще надеясь, что увижу знакомое лицо. Мы проходим через очередные раздвигающиеся двери, и в самом конце вагона я замечаю табличку со значком уборной.

— Мне нужно в туалет, — прочистив горло, выдавливаю я, освобождаясь от цепкой хватки.

— Хорошо, милая, я подожду тебя здесь.

Киваю. Женщина присаживается на диванчик неподалеку. По громкой связи объявляют, что через двадцать минут поезд прибывает на какую-то станцию — название мне ни о чем не говорит. Я подхожу к кабинке и дергаю дверь. Заперта! Сесть тут негде, поэтому опираюсь спиной на окно и судорожно открываю сумочку. Какие-то чеки на лекарства, список покупок из супермаркета. Между блокнотом в ко-

жаном переплете и косметичкой зажат кошелек из мягкой, слегка шершавой кожи. Я роюсь в нем: пара мелких купюр, пластиковые карты, университетский пропуск и, наконец, абонемент в библиотеку. Стандартный набор студентки.

Кто-то толкает меня, и я едва все не роняю. Мимо, го-
лося на весь вагон, проносится мальчишка, за ним гонится
девочка помладше. Я бросаю в их сторону гневный взгляд,
потому что пронзительный визг только усиливает не пре-
кращающуюся ни на минуту мигрень. Запихав все обратно,
закрываю кошелек и на дне сумочки нащупываю студенче-
скую карту.

— Виола Элизабет Максфилд, — читаю я свое имя.

Мне двадцать один год. Мой день рождения пятого ноя-
бря. Я изучаю фотографию, запечатанную штампом. Моя ли
она? Скорее всего, да, но осознание, что я не знаю, как вы-
гляжу, и мои ли это документы, приносит новую порцию
боли. Я закрываю глаза, пытаюсь справиться с вновь подсту-
пающей паникой. Опираюсь рукой на дверь уборной и делаю
несколько глубоких вдохов.

Внезапно дверь открывается, и я валюсь внутрь, потеряв
равновесие. Чьи-то руки ловят меня, прежде чем я успеваю
растянуться на мокром грязном полу. Пахнет отвратительно,
и я, поморщившись, отворачиваюсь. Меня продолжают креп-
ко удерживать.

— Неужели нельзя смотреть под ноги? — цедит незна-
комец сквозь зубы.

Я поднимаю взгляд. Какие необычные глаза! Лукаво-при-
тягательные и пугающие одновременно. Словно кто-то бро-
сил тлеющий уголь в лед. Даже в тусклом свете туалетной
лампы я могу разглядеть, как голубой цвет радужки контра-
стирует с ее темным ободком и черными волосами, неравно-
мерными прядями спадающими на лицо.

Встаю, пытаюсь сделать шаг внутрь, но дверь в уборную слишком узкая.

— Может, пропустишь все-таки? — небрежно бросает парень.

В этот момент я замечаю, что в его нижней губе, слева и справа, поблескивают серебряные кольца. Поджав губы, останавливаю взгляд на стоптанных ботинках с небрежно обмотанными вокруг щиколоток шнурками и потертых джинсах. Незнакомец сжимает мои предплечья, видимо пытаюсь меня переставить, но я сбрасываю его руки и говорю по слогам:

— Не прикайся.

А потом отталкиваю от себя, мечтая поскорее отделаться. Кажется, он хочет того же. Разглядывает пару секунд, а затем протискивается через дверь, намеренно задев по пути.

— Эй, аккуратнее! — вырывается у меня.

Парень, не оборачиваясь, бросает:

— Таким, как ты, следует летать самолетом.

Наивно было полагать, что «такой, как он» промолчит, но выяснять отношения у меня нет времени. Я закрываю дверь, прислоняюсь к ней спиной, медленно вдыхаю еще раз, поморщившись от запаха, и вглядываюсь в собственное отражение — отражение Виолы Максфилд. Рыжая. Еще и в веснушках. Не просто парочка на носу, как у некоторых героинь мультфильмов, — их много, как звезд в галактике. Я плююсь в незнакомые глаза, растерянно глядящие из-под накрашенных ресниц. Дотрагиваюсь до волос, пропуская их сквозь пальцы, словно тонкие медные нити. Девушка в зеркале делает то же самое.

— Вот же мы с тобой попали, — шепчу я, соединяя в одно целое незнакомый голос с таким же незнакомым лицом.

Рыжая испуганно смотрит в ответ. Чем дольше я разглядываю ее — себя, — тем сильнее меня сковывает липкий

страх. Я не знаю, что делать дальше. Где искать помощь? И поверят ли мне? Лихорадочно перебираю в уме варианты, что могло произойти, но ничего действительно разумного не нахожу. Я упала и ударилась головой? Но ни в волосах, ни на лице нет ссадин или следов крови. Мне что-то подмешали? Но кто? Сомнительно. Не знаю, какой была та Виола, что, широко распахнув глаза, глядит на меня из зеркала, но я бы никогда не стала пить что-то подозрительное в малознакомой компании.

Смотрю на свое отражение несколько минут, задумавшись, пока не подскакиваю от гулких ударов, металлически разносящихся по кабинке. Кто-то требовательно барабанит кулаком по двери, и я открываю защелку.

— Виола, — моя незнакомая-знакомая заглядывает внутрь, — я уже боялась, что с тобой что-то случилось. Вдруг опять стало плохо.

Она обнимает меня за плечи, и я не сопротивляюсь. Удивляюсь своей покорности, но рядом с тем, кому небезразлична, чувствую себя спокойнее. Женщина ведет меня куда-то, рассказывая, как в поездах ее обычно укачивает. Я чувствую аромат лекарств — травяной и немного горький, по-больничному неприятный, но зато прекрасно перебивающий запах вагонной уборной. Уже за это он мне нравится. Моя спутница — да, ведь я до сих пор не знаю ее имени — шагает, не глядя по сторонам.

— Пришли, — вдруг говорит она, остановившись, и, подняв с кресла сумку, принимается запихивать ее на верхнюю полку.

Я осматриваюсь. Три свободных места. На столе между сиденьями — стаканчик из «Старбакса» с именем Мария. Видимо, так зовут эту женщину. У стенки парень с русыми, коротко стриженными волосами, глубоко задумавшись, гля-

дит в окно. Я сажусь напротив, но только успеваю поднять глаза — натыкаюсь на недоуменный взгляд.

— Милая, это ведь мое место, — лепечет Мария. — Твое рядом с женихом.

Мы с «женихом» одновременно вскидываем головы, словно синхронисты в бассейне, и переводим взгляд на женщину. Как можно незаметнее я пытаюсь рассмотреть свою руку и едва не подпрыгиваю на месте, потому что на безымянном пальце блестит золотое кольцо. Но еще больший страх меня охватывает, когда вижу точно такое же на руке сидящего напротив. Я помолвлена?

— Неужели поссорились? — склонив голову набок, спрашивает женщина, улыбаясь так, будто умиляется младенцу.

Парень неловко улыбается и берет меня за руку. Ладони у него широкие, теплые, а еще влажные.

— Конечно, нет. Когда бы мы успели? — медленно произносит он низким, слегка глуховатым голосом, несколько нервно сжимая мои пальцы.

Я непроизвольно напрягаюсь, но молчу, оставаясь безучастным наблюдателем. Парень отпускает мои трясущиеся руки, и я тут же их прячу. Чувствую, как горю до кончиков ушей. Надеюсь, на фоне рыжих волос и веснушек этого не заметно. Чтобы скрыть смущение, медленно пересаживаюсь, пытаюсь исподтишка рассмотреть «жениха», все еще не в состоянии поверить, что я и он вместе. Я даже слово «мы» произнести не в силах.

Судя по всему, он предпочитает не разговаривать с окружающими. Наверное, интроверт. Вжался в угол, пытаюсь, как хамелеон, слиться с белой стеной вагона, и это даже комично, потому что слишком сложно не заметить. Чего уж говорить, парень с таким лицом и телом любую девушку заставит

нервничать, захлебываясь в слюнях и восторгах, — слишком уж ладно выглядит. Даже подозрительно.

Широкие плечи обтянуты тонким джемпером, под которым проступают рельефные мускулы, волосы аккуратно уложены набок. Да он словно сошел с рекламного плаката! И хотя сидит, все равно заметно, что он высокий, шесть с лишним футов точно. Мысленно даю себе «пять» за то, что мой «жених» такой красавчик. Под ребрами приятно покалывает. Он определенно подходит под тип, который мне нравится, но я все равно продолжаю искать в парне хоть что-то, за что смогу зацепиться: морщинку между бровей, шрам, любую усмешку или эмоцию, которая всколыхнет что-то внутри и докажет, что я не схожу с ума. Воспоминание или ощущение — мягкое и согревающее, как чашка горячего шоколада в зимний вечер, или, наоборот, пламенное и возбуждающее, как прикосновение холодного шелка к раскаленной коже. Бесполезно.

Попутчица называет его Шон. Я пробую это имя на вкус, беззвучно проговаривая по буквам в надежде, что оно вызовет хоть какие-то ассоциации. Будто встречу старого знакомого, которого не видела много лет, но ждала как никого другого. Тоже ничего. Чувствую, что упускаю какую-то важную деталь, мелочь, которая соединит все части мозаики. И тут меня осеняет. От ослепляющей догадки дыхание перехватывает. Это предположение надо срочно проверить! И если то, что произошло со мной, не случайно, значит, эта... кара небесная, психологический эксперимент или наказание за грехи может работать в обе стороны.

Обхватив двумя руками теплую широкую ладонь Шона, я наклоняюсь ближе и ласково, насколько позволяет мой актерский талант, произношу:

— Милый, не проводишь меня в уборную, а то голова снова кружится?

Я глажу мозолистую ладонь. Мышцы под моими пальцами тут же напрягаются.

— Не отпускай ее больше одну, — наставляет Мария.

Распахнув темно-карие, словно шоколад, глаза, Шон поднимается и подает руку, помогая мне встать. Что ж, манерам парень научен. Мы так близко, что я чувствую запах его кожи. Но это не ожидаемый аромат дорогого одеколона или средства после бритья — это бензин и немного машинного масла. За красивой оберткой прячутся сплошные сюрпризы. Мне так много хочется спросить. Например, почему он работает в мастерской, ведь это странно, — он мог бы быть моделью или актером... Но я отправляю эти мысли в самый дальний угол, решая, что выясню это позже.

Когда мы оказываемся достаточно далеко от Марии, я тяну его за рукав:

— Пстой! — Какой же он все-таки высокий! Приходится задрать подбородок и немного отстраниться, чтобы посмотреть ему в глаза. — Хотела поговорить.

Я мысленно стараюсь сопоставить все факты, что узнала. *Поезд. Помолвка. Потеря памяти.* Мой разум выглядит как стена, на которой иголками прикреплен десяток мелких листочков с написанными на них открытиями, только проблема в том, что ни одно из них ни на йоту не приблизило меня к пониманию случившегося.

— С тобой точно все в порядке? — интересуется Шон, и между его бровями появляется крошечная, не больше рисового зернышка, морщинка.

— Да, просто закружилась голова, — мило улыбаюсь я. «Не считая того, что я гуляю по одному богу известно куда направляющемуся поезду под руку с совершенно незнакомым парнем и не помню ни минуты из собственной жизни». —

Мы же с тобой помолвлены... — заглядываю я в глаза, словно отбившийся от стада олененок.

Шон неуверенно кивает. Кто-то в вагоне хлопает дверью, и нас обдает холодным воздухом вперемешку с едва уловимым запахом дыма.

— И давно вместе, — осторожно предполагаю я, хотя руки аж дрожат от нетерпения. Видимо, выдержка — не моя сильная сторона.

— Да.

— И, естественно, ты знаешь обо мне все.

— Ну, не все, конечно... — медленно произносит парень.

Ладно. Плевать, что он подумает. Выдержав нарочитую паузу, я произношу:

— Когда у меня день рождения, Шон?

— Что? — недоуменно смотрит он в ответ. — Милая, что за странные вопросы?

— Какого числа мой день рождения? — повторяю я почти с вызовом — и тут меня снова выручает Мария, наша прекрасная говорливая попутчица, ни разу при Шоне не назвавшая меня по имени. Я сбрасываю эту бомбу: — Как меня зовут, Шон?

Парень нервно сглатывает, а я внимательно наблюдаю за его лицом. На нем лишь одна эмоция: растерянность. Мои ладони с каждой секундой его молчания потеют все сильнее.

— Ты не помнишь, верно?

Я сама не знаю, спрашиваю это или декларирую как факт, вот только теперь ситуация выглядит еще хуже.

— Ох, нет... не имею ни малейшего понятия. — Потирая переносицу, как будто у него раскалывается голова, он присаживается на свободное сиденье, и я устраиваюсь рядом. — Прости.

— Виола Максфилд, приятно познакомиться, — вы-
давливаю я. — Чего еще ты не помнишь?

— Не знаю, я как будто в вакууме, — обреченно произ-
носит Шон. — Очнулся как после долгого сна здесь, в ваго-
не, примерно полчаса назад.

Мое сердце начинает стучать так, словно вот-вот выпры-
гнет из груди. С этого же момента и в моей жизни все пошло
кувырком.

Он резко поднимается:

— Идем. — Хватает меня за руку и тащит за собой, слов-
но воздушного змея на веревочке.

Странно, хотя мы знакомы всего полчаса, рядом с ним
я чувствую себя в безопасности, как за стеной. Кем бы раньше
ни был для меня этот парень, у нас уже есть кое-что общее.

— Куда ты меня тащишь?

— Туда, где очнулся. Там наверняка остались наши вещи.
Надо проверить багаж.

Мы протискиваемся мимо идущих навстречу, почти бе-
жим. Я решительно сжимаю кулаки и осматриваю купе. Под
аккомпанемент недоуменных взглядов других пассажиров
мы обшариваем все вокруг сидений, но ничего, кроме его
куртки и моего пальто, не находим.

— Что у тебя с собой? — спрашивает Шон, залезая в кар-
маны куртки и вынимая из них свернутые мелкие купюры
и кожаное портмоне.

— Только сумочка. — Я тянусь к молнии, чтобы высы-
пать содержимое на столик, но меня останавливает бодрый
голос контролера:

— Приготовьте билеты!

Я перевожу взгляд на Шона, он молча пожимает плечами.
Начинаю судорожно рыться в сумочке, и содержимое косме-
тики рассыпается по полу.